

ЮЖЕТЫ
ИСТОРИИ

СЕРГЕЙ АХМЕТОВ

ТУРКЕСТАНСКИЙ ИЗЛОМ

РЕДАКЦИЯ

КПО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 94(47)
ББК 68.3(2Рос=Рус)6
А95

Серия «Сюжеты истории»

Разработка серии и дизайн В. А. Воронина

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Ахметов, Сергей

А95 Туркестанский излом / Сергей Ахметов. — Москва:
Издательство АСТ; Редакция «КПД», 2026. — 448 с. —
(Сюжеты истории).

ISBN 978-5-17-187806-1

Пекло. Горячее дыхание степей обволакивает древние города Средней Азии. Ароматы спелой айвы перешибает пороховая гарь южного фронта. Здесь, в Туркестане, в едином котле переплавляются азиатские, русские, европейские души. Судьбы ссыльного поляка и русского поручика сплетаются в замысловатый узор. Им предстоит пройти путь дружбы и вражды, верности и предательства, чтобы остаться в живых и вернуться. К той, чьё сердце они оба считают своим.

УДК 94(47)

ББК 68.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-187806-1

© Сергей Ахметов, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Светлой памяти моего отца.

*Рядом с ним для меня когда-то начались
первые путешествия в историю. В романах,
рассказах и кино, наполненных непонятными
словами, запутанными сюжетами
и произносимыми именами, он помогал мне
разглядеть целые миры.*

ССЫЛЬНЫЙ

Происходящее казалось чудным и непостижимым до нелепости. Из дыр, что зияли в стенах вместо окон, помимо нагло-громкого тарабарского шума толпы доносились крики азанчи*, призывавшего последователей Магомета к молитве. А внутри глиняной сакли, отличавшейся от тысяч других разве что большими размерами, батюшка совершал водосвятный молебен.

У отверстий, как будто по случайности оставленных в стенах неумелыми строителями, не было точных форм: одно было почти круглое, другое имело подобие углов, третье походило на след не то пушечного ядра, а не то удара молнии с небес. Сам дом, его стены и крыша были так раскалены яростным азиатским солнцем, что люди внутри словно варились в закрытом котле. И даже запах ладана от кадила не мог отогнать у присутствующих мыслей о преисподней.

В одну из дыр, которые местные упорно называли окнами, Ян Крашевский разглядел голубова-

* Азанчи — то же, что муэдзин, служитель мечети, призывающий мусульман к молитве.

тый купол, увенчанный раскалённым, янтарного цвета полумесяцем. А внутри, будто вступая с ним в спор, блеснул массивный серебряный крест на чёрной рясе священника.

Всё вокруг: эта убогая хижина, гвалт, доносящийся из окон, вонь человеческих тел, струи пота, стекающего по мерзкой корке грязи на теле — словно стремилось помешать богослужению. Наверное, в подобных же условиях проповедовал апостол Пётр в какой-нибудь древней Антиохии Сирийской, очищая сердца язычников и неся им дары Святого Духа.

Чушь, конечно, но именно эта история пришла шляхтичу на ум.

Батюшка, больше похожий на плутоватого деревенского мужика, погрузил в чашу с водой. Собравшиеся запели молитвы.

Тут только Крашевский припомнил, что нынче, первого мая, у него именины, сиречь день ангела, в честь которого он был назван. Покойный дед часто рассказывал мальчику о святом Иоанне — исповеднике или мученике — да только Ян давным-давно эти познания похоронил как ненужные, даже невежественные по его представлениям, и присыпал изрядным слоем новых жизненных впечатлений.

Не сдержавшись, безбожник усмехнулся краешком губ и подумал, что небесного своего покровителя, хоть и невольно, а помянул: в храм, если так можно назвать эту жалкую мазанку, заглянул, — так что святой Иоанн просто обязан ходатайствовать перед Богом о спасении души своего протеже.

Чтобы как-то скрыть неподобающие чувства, он оправил плотно облегающий сюртук и позёрски стряхнул несуществующую пылинку.

Из мебели вокруг он видел только скамьи да несколько табуретов. Помещение было по местному обычаю устлано коврами, и, казалось, из-за этого духота и зной делались нестерпимыми. В углу комнаты соорудили нечто вроде иконостаса с образами Иисуса Христа и Богородицы, так что расстояние между алтарём и молящимися было ничтожно: толпа буквально запрудила комнатёнку, облепила стены, люди набились в эту молельню, как сельди в бочку.

Священник отец Андрей, с неаккуратной бородой, похожей на метлу, совершил малый чин освящения воды. Крашевский по-мальчишески вытянул шею, заглянул в чашу и убедился, что мутная вода от сих приёмов прозрачней не стала.

Из-за спины священника шагнули вперёд несколько калек из нижних чинов, кто с одним костылём, кто с двумя, кто с перебинтованной башкой, а кто с животом, обтянутым повязкой, точно корсетом, и нудно затынули псалмы. А снаружи неуступчиво, упрямо надрывались нараспев сотни глоток: «Аллах акбар, Аллах акбар!..»

Перед тем как закрыть глаза и предаться грёзам, Ян не преминул бросить взгляд на милый сердцу образ. Она стояла поодаль и светилась, будто ангел небесный, а вокруг неё, как и бывает с небожителями, образовалась почтительная пустота, выделявшая её ещё больше. Широкий кринолин под платьем не давал окружающим стеснить

её свободу, бледная ручка сжимала веер, а вуаль на элегантной шляпке прикрывала лицо. Крашевскому только и требовалось — видеть её силуэт, чтобы воссоздать в мечтах всё обличье: точёную фигуру, вздымавшуюся грудь, плечи, целомудренно покрытые кружевной косынкой-фишю*.

Небесное это создание было не от мира сего, и к этой жалкой мазанке, заполненной парами едкого мужского пота, принадлежало лишь постольку, поскольку Господь Бог наказал ему спуститься на землю и озарять своей улыбкой души тысяч местных обитателей, а Крашевского — погубить.

Она была сиянием света, напоминавшим всем, что и здесь, в этой первобытной глуши, возможен проблеск европейской культуры, утончённый досуг и светская жизнь. Она не давала офицерам, штатским чиновникам и мало-мальски образованным мещанам погрузиться во мрак невежества и солдатской грубости. А для Крашевского она стала вспышкой, подобной разрыву фейерверка, и подарила ему надежду на счастье в то время, когда пламя его сердца едва не угасло.

* *Фишю* — тонкая косынка из лёгкой ткани или кружев, прикрывавшая шею и декольте, согревая и обеспечивая пристойность облика. Однако нередко дамы использовали фишю так, чтобы платок скорее открывал или выгодно преувеличивал женские прелести, нежели скрывал их. Не следует путать фишю с канзу, косынкой или платком большего размера, который тоже закрывал шею и декольте, но концы которого перекрещивались на груди и завязывались на талии.

Крашевский думал о мезальянсе. Думал о её дяде, начальнике населения*, который уже практически спровадил его в такие далёкие пустыни, перед которыми даже этот пыльный город казался столпом культуры. Подумал и об изменчивости дружбы, бросив мимолётный взгляд на своего приятеля, поручика Кирсанова, который чересчур сосредоточенно молился, явно избегая скрестить со шляхтичем взор. Думал обо всех обстоятельствах, которые вынудили его, Крашевского, отправиться на войну.

Отец Андрей строго осмотрел свою паству и, как будто догадавшись об отвлечённых мыслях поляка, задержал на нём взгляд, так что Крашевский ощутил себя лишним на этом таинстве, как лишней среди неряшливых мужчин казалась *она* и как все они были лишними в этом мусульманском городе.

Под пение тропаря Крашевский прикрыл глаза и погрузился в воспоминания о последних событиях своей жизни, которые привели его в загадочную азиатскую страну. О том, по каким мудрёным жизненным тропам провела его судьба, чтобы он смог мельком увидеть своё счастье, и какие преграды ему предстоит преодолеть, чтобы он сумел это счастье ухватить, ведь оно по-прежнему представляло таким же далёким, как престол Господень для грешника.

* *Начальник населения* — чиновник или военный чин, обладающий административными полномочиями в отношении всего населения вверенной ему территории.

Туркестан! Сколько отчаянных голов притягивал этот новый край! Самые неугомонные люди империи стремились попасть туда: предприимчивые купцы и расчётливые промышленники, неустрашимые исследователи, амбициозные офицеры... Однако этот край был также пристанищем для отчаявшихся. Проигравшиеся, разорённые, разочаровавшиеся в жизни — отщепенцы самого разного сорта стремились в эти знойные южные области, чтобы начать тут новую жизнь. Сюда ехали за повышенным жалованьем, за подвигами, за чинами и победами. Каждый надеялся получить ещё одну возможность бросить кости на доску судьбы, дабы вернуться обратно с триумфом, быть принятым при дворе, повесить на грудь боевую награду. Или скрыться на время от глаз беспощадного закона, с которым по каким-то причинам оказался не в ладах.

Попал в этот край и дворянин Подольской губернии, бывший помещик Ян Крашевский. Только, в отличие от многих, не по своему желанию. Чужая воля диктовала ему начинать новую жизнь в азиатском захолустье, не имея ничего за душой.

Крашевский не успел принять участие в польском восстании*. Мятеж прошёл мимо его губернии, но, когда остатки войск Эдмунда Ружицкого

* Имеется в виду восстание 1863–1864 годов в Галиции и Вольни под предводительством генерала Эдмунда Ружицкого, поднятое поляками против господства Российской империи.

кого были разбиты и рассеяны под Мирополем, шляхтич дал кров нескольким повстанцам, приходившимся ему дальними родичами. Так он стал соучастником бунта и в том же году вместе с укрываемыми был арестован.

Царский указ заменил смертную казнь на десятилетнюю ссылку, однако земли и имущество Крашевского были конфискованы — в качестве штрафа за соучастие в мятеже.

Крашевский был свидетелем того, как сосланные вместе с ним на Южный Урал поляки и литвины — такие же мелкие помещики, как и он, обладавшие поразительным в их стеснённых условиях чувством шляхетской гордости, — постепенно опускались. Их врождённый гонор не вызывал сочувствия даже у людей их круга в запрятанном глубоко в брюхо империи городе Оренбурге. Не имея никаких средств к существованию, но при этом отказываясь поступать на службу к государю-захватчику, иные дворяне предпочитали наниматься приказчиками, управляющими, перебивались подёнщиной, а то и просто пухли с голоду и жили подачками своих соотечественников — тех, кому было позволено взять с собой хоть какое-то личное имущество. Последние поначалу жили на широкую ногу, поигрывали в карты, захаживали в местные клубы, посещали светские рауты и балы.

Среди них был и пан Крашевский, сумевший вывезти из своего имения немного золотишка.

И вот на одном из благородных собраний с картами и рулеткой троюродному брату Крашевского, завязтому мятежнику и поборнику восстановления

Речи Посполитой, попался на глаза русский офицер, который не без гордости носил на груди бронзовую медаль с надписью: «За усмирение Польского мятежа». Надо ли говорить, как вспыхнул боевитый шляхетский дух, как благородные панские сердца воспылали яростью к действительному майору, проливавшему кровь их соотечественников! За словесной перепалкой последовал вызов на дуэль, и Крашевский сделался секундантом своего родича.

Всё бы ничего, обыкновенное дело, да только рана, нанесённая майору выстрелом, через некоторое время загноилась, и он скончался. Тут уж брат Крашевского, его последний друг в этом далёком краю и истинный польский патриот, не избежал виселицы, а Яна — благодаря заступничеству престарелого князя, у которого он нанялся репетиторствовать незадолго до происшествия, — выслали на дальние южные рубежи, видимо, в надежде, что там он и сгинет с лица земли.

* * *

За предшествующие два года отважный генерал Черняев сумел присоединить к владениям российского государя столько земель, сколькими империя не прирастала со времён освоения Сибири. Именно в это время в Туркестанский край прибыл ссыльный польский шляхтич Ян Крашевский.

Если до сих пор он сохранял хотя бы подобие дворянского достоинства, то трёхнедельное путе-

шествие по однообразным степным дорогам на телеге, гружённой двумя семьями воронежских мужиков-переселенцев, выбило эту блажь из его головы. Теперь некогда франтоватый шляхтич носил потрёпанный, выцветший фрак и длиннополюю поярковую шляпу, в кармане одиноко похрустывала двадцатирублёвая ассигнация, а в сундучке с личными вещами прело от степной жары сменное бельё и желтело рекомендательное письмо, которым его милостиво снабдил старый князь. Но, несмотря на тяжесть пути, Крашевский старался не унывать.

Станции представляли собой не более чем скопище полуземлянок-полумазанок, где проживали ямщики и обслуга из местных киргизят. Иногда в степи Ян наблюдал кочёвки киргизов, их кибиточные аулы, многотысячные стада баранов и табуны коней, за которыми присматривали некрасивые джигиты с искривлёнными спинами.

Чувствуя, что тупеет от жары и однообразия, поляк иногда мечтал, чтобы на их повозку напали местные головорезы: тогда он смог бы насладиться зрелищем, как двое казаков отразят сие предприятие или будут порублены в куски.

Нехитрый казачий конвой как бы придавал Крашевскому важности, хотя эти двое ещё в Оренбурге были приставлены для охраны, помимо его персоны, и почтового возка, что ехал чуть впереди. Впрочем, сами казаки утверждали, что нападение невозможно. Они преспокойно разговаривали с киргизами, которые выходили из каждого аула встречать почтовую кавалькаду, на их языке, шу-

тили и пересмеивались, будто родичи или добрые соседи.

— То ли дело впереди, пан хороший! — болтал казак со скуки. — Там, куды вы путь держать изволите, такие негодники бродят, что не токмо за лошадёнкой догляд нужен, а и за головой. Вра-а-аз сымут, кровопийцы! Так уж вы поостерегитесь.

— Ты не переживай, борода, — ответил Крашевский. — Чай, не барышню стережёшь. Будь у меня под рукою сабелька, я бы тебе показал пару выпадов.

— Ой ли? — заинтересовался добродушный уралец.

— Дык ведь это... Не положено... Ссылный ведь... — почесал под папахой второй казак.

— И чего, и джигитовать могёшь?

— А ты думал, любезный, за что меня к чёрту за пазуху упрятали? За то, что я княжескую дочурку соблазнил, а? — пошутил Крашевский, чем вызвал хихиканье крестьянок и замешательство их мужей.

— Можя, и обольстил, я того не ведаю, — хмыкнул казак. — Вона ты и персты не так складываешь, когда крестным знаменем себя осеняешь. Ишь, лукавец! Небось, старовер?

— Еретик, — подмигнул Ян, но и на сей раз не сумел смутить казака.

— То-то! Никакая вещь перед царём-батюшкой не утаится. Вот тебя и сослали сюды, грешного.

— Да ну тебя! — отмахнулся раздосадованный Крашевский, впрочем, не без смеха. — Башка у тебя чугунная.

— Это известно. Прошлого году под Чикменем меня по головушке-то чокпаром* и убаюкали. Как душеньку не вышибло — диву даюсь. Батюшка наш, отец Андрей, бает, что это Господь уберёт меня, потому как на Воздвижение сие стряслось. А токмо с того времени я туточки, на тракте, службу несу. Отвоевался.

В повозке заплакало крестьянское дитя.

Казак улыбнулся сквозь нечёсанные усищи и затянул:

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползёт на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закалён в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю...**

Наконец достигли Арала и дальше двинулись вдоль полноводной реки Сырдарьи. Поочерёдно миновали несколько безыманных русских укреплений, а за ними лежал форт Перовский и священный Туркестан.

Появилась тревожность. Коменданты крепостей, к которым неизбежно заглядывал Крашевский, дабы отметить и оставить часть почты с газетами, в свою очередь делились с ним новостями, или *хабаром*, как здесь называли любые известия, слухи или байки.

* Чокпар (шокпар) — палица, булава (казах.).

** Лермонтов М. Ю. «Казачья колыбельная песня» (1838).